

Mélanges asiatiques
tirés du
Bulletin de l'Académie Impériale des sciences
de
St.-Petersbourg.

Tome XV.
(1911 - 1912).

St.-Petersbourg, 1912.

Кавказъ и памятники духовной культуры.

Н. Я. Марра.

(Рѣчь, читанная въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ
 29 декабря 1911 г.).

«Жемчужина» русской короны заключаетъ въ себѣ не одні матеріальныя цѣнности. Кавказъ по праву можетъ гордиться не только величіемъ природы и красотой, вдохновлявшими гениальныхъ художниковъ русскаго слова. И не представителямъ одной стороны человѣческаго знанія, не натуралистамъ только приуготовилъ онъ источники для научной пытливости. Въ обстановкѣ, богатой природными дарами, причудливыми формами и яркими красками, съ незапамятныхъ временъ живетъ человѣкъ съ реальными духовными потребностями. Край полонъ документовъ его творческой работы за длинный рядъ вѣковъ, за тысячелѣтія,—памятниковъ словесныхъ и вещественныхъ, живыхъ и мертвыхъ. Въ области, посвященной ихъ изслѣдованію, Россія располагаетъ самостоятельными работами: достигнуты нѣкоторые успѣхи, открываются широкіе горизонты. И чудный въ устахъ великаго поэта уголокъ нашего отечества, не безъ труда выступающій въ наукѣ изъ-подъ покрыва древнихъ и новыхъ легендъ, заслуживаетъ чести, послѣ весьма долгаго перерыва, быть предметомъ высокаго вниманія въ торжественномъ засѣданіи первенствующаго въ Имперіи ученаго сословія.

Въ 1837-мъ году многозаслуженный предшественникъ мой по специальности, Marie-Felicité Brosset, произнесъ въ публичномъ собраніи Академіи на французскомъ языкѣ рѣчь на сродную тему. Западнаго ученаго пригласили въ Россію для насажденія новой отрасли востоковѣднія. Была еще эпоха блестящей плеяды французскихъ ориенталистовъ. Подъемъ общественной мысли во Франціи далъ широкій размахъ развитію гуманистическихъ наукъ. Выдвинутая интересами политическаго момента потребность Россіи въ изученіи прошлыхъ судебъ культурнаго Кавказа тогда, естественно, могла быть удовлетворена обращеніемъ на Западъ. Съ тѣхъ поръ произошло много перемѣнъ въ русской наукѣ, быть можетъ, въ востоковѣдніи болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой области знанія. Перемѣнилась и точка зрѣнія, съ которой оцѣниваются памятники духовной культуры на Кавказѣ. Уже академикъ Brosset слишкомъ глубоко входилъ въ предметъ, чтобы не сознавать

необходимости совместнаго изученія исторіи Грузіи и Арменіи; доказательство тому въ его публичной рѣчи *Histoire et littérature de la Géorgie*. Но и для него, книжника, культурно существовали лишь народы, обладающіе письменностью: имъ только и могли быть посвящены историческія изслѣдованія. Кругозоръ его научной пытливости въ предѣлахъ Кавказа ограниченъ былъ грузинами и армянами. И здѣсь ему рисовались два міра, объединяемые не въ жизни, а въ кабинетѣ ученаго, гдѣ источники исторіи двухъ сосѣднихъ народовъ могли взаимно дополнять другъ друга. Въ историческихъ построеніяхъ Grosset былъ традиціоналистомъ: онъ усвоилъ отъ грузинъ и армянъ ихъ націоналистическія конструкціи. Чрезвычайно сложный научный вопросъ о культурныхъ особенностяхъ грузинъ и армянъ и не ставился: онъ предрѣшался. Онъ рѣшался раньше, чѣмъ былъ выясненъ общій фонъ, на которомъ выступали тѣ или нѣны, иногда и смутно лишь представляемыя особенности, раньше, чѣмъ опредѣлились бы культурныя взаимоотношенія не только армянъ, грузинъ и другихъ народовъ, населявшихъ Кавказъ, но и всѣхъ ихъ съ окружающимъ міромъ. Съ тѣхъ поръ востоковѣдніе кореннымъ образомъ видоизмѣнило взглядъ на задачи филологіи. Подъ напоромъ идей, порожденныхъ успѣхами ориенталистики, европейскій «гуманизмъ» сталъ уступать мѣсто универсализму. Въ связи съ завоеваніями востоквѣдніи осложнилась этнографія, возникли новыя дисциплины — лингвистика и археологія, развилась языковая палеонтологія, организовались раскопки. Все это, одухотворенное идейнымъ вліяніемъ и методами естественныхъ наукъ, внесло въ филологію реальное направленіе. Соотношенія новыхъ открывшихся міровъ съ извѣстными стали выяснять жизнеспособность древнихъ культурныхъ элементовъ, намѣчать законъ объ ихъ долговѣчности. Опытный взоръ филолога-реалиста съ отдѣльныхъ блестящихъ центровъ цивилизаціи устремился на разсѣянные повсюду ея простые, или первичные элементы: на анализъ средства ихъ и сцѣпленія или противоборства и расхожденія былъ перенесенъ центръ тяжести въ изслѣдованіяхъ. Въ тѣсной связи съ такимъ расширеніемъ горизонта открылись разнообразныя цѣлостныя группировки культурныхъ элементовъ, особые міры, и интересъ къ отдѣльнымъ народамъ-кумирамъ палъ, обаяніе ихъ героической роли исчезло.

Естественно, реальная характеристика того или иного народа Кавказа ставится въ зависимость не отъ его національной самооцѣнки, а отъ мѣста, занимаемаго имъ въ данной цѣлостной группировкѣ, сформировавшейся на средствѣ тѣхъ или иныхъ культурныхъ элементовъ.

Ограничимся хотя бы христіанскимъ періодомъ въ жизни народовъ Кавказа. И въ его предѣлахъ цѣлый рядъ эпохъ въ исторіи, напр., армянъ и грузинъ подучаетъ освѣщеніе въ основѣ иное, чѣмъ то, которое давала національ-

ная научная конструкція какъ той, такъ другой народности. Въ начальную эпоху христіанства памятники отвергають не только разобщенность ихъ другъ съ другомъ, но и отчужденность отъ южныхъ и восточныхъ со-сѣдей. Обѣ народности лишь часть одного цѣлого, которое вмѣстѣ съ ними составляли персы-христіане, сирійцы, іудео-христіане и др. Эта восточная христіанская церковь, вопреки западной, не исключая и греческой, разно-язычна. Несмотря на разноязычіе, названные народы, или ихъ части, состав-ляютъ одинъ цѣлостный міръ. Ихъ объединяетъ въ жизни согласное пониманіе христіанскаго ученія, въ литературѣ — тождественная редакція св. Писанія, въ искусствѣ — сродныя, часто одинаковыя художественныя формы.

Въ памятникахъ духовной культуры каждой изъ названныхъ народ-ностей эта черта и представляетъ неоцѣнимое достоинство: послѣ того, какъ жизнь та была разбита, въ нихъ только и сохранились, — при томъ у армянъ и грузинъ едва-ли не въ наименѣ искаженномъ видѣ, — рѣдкіе документы, дающіе возможность возсоздать не эпизодическую роль одной какой-либо національной или христіанской группы, а цѣлый исчезнувшій культурный міръ. Въ частности безъ основательной справки въ древне-грузинской и древне-армянской литературахъ нельзя составить полнаго представленія и о такомъ памятникѣ, какъ ветхозавѣтныя книги св. Писанія: только у нихъ, этихъ народовъ, населяющихъ Кавказъ, сохранились тексты, восходящіе, независимо отъ Семидесяти толковниковъ, къ утраченнымъ на арамейскомъ языкѣ подлинникамъ, быть можетъ, таргумамъ. Въ цѣлкой приверженности къ перво-христіанскимъ преданіямъ, этотъ особый культурный міръ и по-могъ спасенію многихъ твореній учителей церкви; въ немъ, — при томъ въ древне-грузинской литературѣ иногда познѣ, чѣмъ гдѣ-либо, — сохранились цѣльныя произведенія и западныхъ отцовъ. Достаточно вспомнить о творе-ніяхъ антипаны Инполита. Въ искусствѣ это — эпоха, когда сохранившіяся въ Армении развалины базиликъ показываютъ примѣненіе подковообразныхъ арокъ раньше, чѣмъ могло появиться арабское мусульманское зодчество, до зарожденія ислама.

Общія христіанскія идеи и учрежденія начинаютъ пускать корни въ толщу мѣстнаго населенія. Молодые потомки древнѣйшихъ народовъ культурнаго міра глубоко переживаютъ массовое приобщеніе къ новой вѣрѣ, усиленное миссіонерскою дѣятельностью византійцевъ. Старая закваска архаическихъ вѣрованій, давно получившихъ густой налетъ религіознаго ученія персовъ, готова взбудоражить жизнь подъ влияніемъ торжествующаго Ирана. Шумныя политическія событія, борьба Ирана съ Византіею, плѣ-неніе христіанскаго Іерусалима и освобожденіе, характерныя историческія фигуры царя царей Хосроя и императора Ираклія получаютъ внутренний

смыслъ и міровое значеніе, опираясь на мѣстные устои, культурныя силы восточныхъ народовъ, и поднимая ихъ творческую жизнѣдѣтельность. Происходитъ религіозное броженіе: населеніе, захваченное одинаково во всѣхъ странахъ христіанскаго Востока новымъ духовнымъ возрожденіемъ, дѣлится на различныя толки; появляются ереси и секты, въ выборѣ которыхъ рѣшающимъ моментомъ является перевѣсъ на ту или иную сторону раздваивающейся въ каждомъ краѣ мысли, перевѣсъ языческихъ мѣстныхъ переживаній или новаго религіознаго энтузіазма. Такой расцѣпки не избѣгаютъ и ученія, запосылыя съ востока или запада, но на этотъ разъ въ нашихъ глазахъ наибольшее значеніе пріобрѣтаютъ ереси, всплывающія впервые изъ нѣдръ таинственной мѣстной среды: такъ у армянъ первичное навликіанство, давшее цѣлый рядъ мѣстныхъ же перерожденій. Однако, и оно нисколько не національное, и оно не исключительно армянское. Подпочва, питающая его, выходитъ за предѣлы Арменіи во всѣ стороны; вездѣ раскалывается мысль, и борьба идетъ не между народностями, какъ рассказываютъ намъ національныя исторіи; это и не эпизодическая схватка случайно столкнувшихся въ странѣ двухъ церковныхъ вѣроученій: борются на жизнь и смерть двѣ культуры, — новая христіанская, пока все еще чуждая, источники которой легко прослѣживаются, и древняя ископи-народная, языческая, съ корнями, уходящими въ глубь вѣковъ, недоступными наблюденію изслѣдователя ни по какимъ письменнымъ источникамъ.

Два основныхъ борющихся теченія долго не отливаются въ окончательныя формы, переходныя ступени прослѣживаются ощущенно, а то, что засвидѣтельствовано подлинными литературными памятниками, представляетъ перерожденія, компромиссныя ученія; вокругъ нихъ группируются опять-таки не по національностямъ, а по средству завѣщанныхъ культурныхъ элементовъ, въ тотъ вѣкъ находившихъ выраженіе въ религіозныхъ формахъ: напр., новое для нашего христіанскаго Востока вѣроисповѣданіе, халкедонитское, объединяетъ прежде всего не грузинъ съ греками противъ армянъ и сирійцевъ, какъ это было принято думать, а расколовшихся грузинъ, армянъ, сирійцевъ и арабовъ противъ такихъ-же грузинъ, армянъ, сирійцевъ и арабовъ, не говоря о болѣе дальнихъ союзникахъ той или другой стороны. Постепенно южныя звенья одной цѣпи ржавѣютъ, крошатся и распадутся, но на крайнемъ югѣ, на Синаѣ, арабскія рукописи и на крайнемъ сѣверѣ, на нашемъ Кавказѣ, древне-грузинская литература сохраняютъ драгоценныя памятники: они свидѣтельствуютъ о тѣсныхъ узахъ, связывавшихъ литературно эти народности подлиннаго христіанскаго Востока. Мысль о такомъ плодотворномъ общеніи впервые высказана и доказана у насъ, въ Россіи, на рядѣ памятниковъ. Въ части о взаимоотношеніяхъ грузинъ-хри-

стианъ съ арабами-христіанами та-же мысль начинаетъ получать дальѣйшее развитіе въ Западной Европѣ. Въ эту эпоху опять-таки суть не въ національномъ источникѣ творчества отдѣльныхъ народовъ, а въ наличности на всей занимаемой ими территоріи сродныхъ культурныхъ элементовъ и въ ихъ естественномъ взаимоготѣніи и сближенности; имъ и присуща жизненная энергія, создающая идейную солидарность различныхъ народовъ; жизнедѣятельность опредѣляется ихъ треніемъ, — внутри взаимнымъ и вѣнъ — сообща съ другими равноцѣнными культурными группами. По широкому руслу вызваннаго ими теченія и принесло съ Востока къ берегамъ Босфора, напр., знаменитую *Душеполезную повѣсть о Варлаамѣ и Иоасафѣ*, одно время у христіанскихъ народовъ соперницу Библіи по популярности. И если даже ошибаются русскіе оріенталисты, утверждающіе, что авторомъ ея греческой редакціи, прототипа почти всѣхъ изводовъ на европейскихъ языкахъ, былъ грузинъ святогорецъ Евоній, то это и не важно. Важнѣе фактъ, во всякомъ случаѣ бесспорный, что на Кавказѣ, въ древне-грузинской литературѣ, сохранилась первая христіанская обработка *Повѣсти*, занесенная туда съ Востока теченіемъ по тому же культурному руслу.

Оставшись одинокими на сѣверѣ, на занимающемъ насъ Кавказѣ, армяне и грузины вступаютъ на болѣе независимый путь развитія. Въ немъ значительную роль играютъ вновь народившіяся особенности соціальнаго уклада. Усиливается значеніе мѣстныхъ факторовъ, въ числѣ ихъ — различно одаренныхъ родственныхъ племенъ. Мѣстный колоритъ культурныхъ явленій осложняется и становится ярче. Въ замиравшемъ было христіанствѣ внесено изъ Византіи философское мышленіе, преимущественно неоплатонизмъ сначала у армянъ, затѣмъ у грузинъ вызываетъ живительное броженіе.

У армянъ церковь беретъ верхъ надъ неоплатонизмомъ, въ философій дается первенство Аристотелю, схоластика съ грамматикою и риторикою получаетъ широкое развитіе. Въ литературу закрывается путь свѣжей народной струѣ, несмотря на настойчивыя домогательства армянскихъ феодаловъ; сама церковь, примирившись съ устарѣвшими въ ней переживаніями древней искони-народной религіи, становится національной. Въ разгаръ борьбы стараго и новаго вѣропониманій въ Арменіи мѣстный геній создаетъ церковную архитектуру: появляются два различныхъ типа купольныхъ храмовъ, крестообразно-многогранныхъ и крестообразно-базиличныхъ, какъ бы свидѣтельствующа монументально о непримиренности въ краѣ двухъ противоборствующихъ культурныхъ теченій.

Въ Грузіи ортодоксальная церковь разрываетъ съ народною религіею, освобождается отъ наличныхъ въ ней переживаній мѣстнаго язычества. Въ широкихъ слояхъ грузинскаго образованнаго общества усѣхи дѣлаетъ нео-

платонизмъ. Проложенъ новый путь для народнаго просвѣщенія. У феодаловъ создается, особое отъ церковнаго, военное письмо, имѣющее корни въ языческой, до-христіанской грамотности. Рыцарство ищетъ удовлетворенія героическихъ порывовъ и романтическаго настроенія въ литературѣ, расцвѣтшей къ этой порѣ въ мусульманскомъ Ирагѣ. Багратидскіе цари Грузіи окружаютъ свой дворъ поэтами и писателями по примѣру персидскихъ влѣстителей. Одну персидскую повѣсть мѣстный гений претворяетъ въ романтическую поэму, на всемъ Востокѣ христіанскомъ и мусульманскомъ единственную, гдѣ такъ благородна очаровательная по музыкальности пѣсь въ честь самоотверженной рыцарской дружбы («побратимства»), обожествленія женскихъ типовъ и идеализованной любви къ женщинѣ. Параллели ей, весьма сродныя, имѣются лишь въ Западной Европѣ, но творецъ ея, Шота изъ Рустава, вдохновлялся идеалами роднаго края и художественными формами народнои поэзіи. Опы, придворный поэтъ, скиталець-бардъ, происходилъ изъ странствующихъ пѣвцовъ народа.

Здѣсь, въ народѣ, — богатая залежи сказаній и поэтическихъ формъ. Не доживи до нашихъ дней въ народныхъ устахъ этотъ, казалось бы, таинственный источникъ, твореніе грузинскаго поэта XII-го вѣка въ цѣломъ осталось бы полною загадкою. Сказанія тѣ не являлись, однако, собственностью однихъ грузинъ: они составляли культурное достояніе многочисленныхъ родственныхъ съ ними народовъ, обитавшихъ на Кавказѣ и въ его предѣлахъ. Несмотря на многообразныя позднѣйшія наслоенія, въ тѣхъ народныхъ сказаніяхъ до сихъ поръ сохранились точки соприкосновенія, характерные признаки сродства съ армянскимъ народнымъ эпосомъ. Одинъ изъ древнѣйшихъ типовъ въ нихъ — сородичъ, если не прототипъ, Прометей: это — Амирагъ у грузинъ, Мѣнеръ — у армянъ. Используемнныя дѣписателями Арменіи схоластически, какъ источникъ родной исторіи, эти драгоценныя переживанія сѣдой старины въ армянской письменности ни въ какой мѣрѣ не послужили къ развитію свѣтской поэзіи. Но армяне также вступили творчески самодѣтельными членами въ молодую группировку народовъ, образовавшуюся не на религіозной почвѣ, а на средствѣ новыхъ соціальныхъ идеаловъ и осложненныхъ художественныхъ формъ. Движеніе охватило четыре народа, говорившихъ на различныхъ языкахъ и слѣдовавшихъ четыремъ основаніямъ двухъ религій — христіанской и мусульманской. Зародившись въ Иранѣ, оно нашло живой откликъ не только въ Грузіи, но и въ Арменіи и въ сельджукскомъ царствѣ въ Малой Азіи. Изъ мѣстной культурнои подпочвы, укрытой позднѣйшими наслоеніями, новое теченіе вызвало сродныя затаенныя творческія силы, и если у грузинъ ярче всего оно сказалось въ поэзіи, то у армянъ въ то-же

время, въ XII — XIII вѣкахъ, и у малоазійскихъ сельджуковъ почти одновременно выразилось въ великолѣпнѣ архитектурныхъ памятниковъ. Въ зодчествѣ у армянъ духовное сословіе вынуждено было уступить силѣ народнаго возрожденія, направленной на свободное творчество въ архитектурныхъ линіяхъ. Въ письменности духовенство ревниво оберегало церковныя традиціи, не допуская въ нее ничего свѣтскаго, ничего народнаго. Вновь возникшее сословіе, городское, пробило независимый путь для народнаго просвѣщенія; оно положило основаніе армянской свѣтской литературѣ, создавъ весьма популярныя сборники назидательныхъ и занимательныхъ рассказовъ, впоследствии переведенныя на арабскій и грузинскій языки. Аналогичнымъ сборникамъ лишь въ Европѣ. Проявленіе свѣжихъ народныхъ силъ было вызвано развитіемъ въ Арменіи новыхъ очаговъ культуры — городовъ.

Въ Карсской области на правомъ берегу рѣки Ахуряна, лѣваго притока Аракса, сохранился одинъ изъ этихъ городовъ, — нынѣ полузасыпанное пустынное городище. Это сравнительно молодой городъ, именуемый Ани¹⁾; развитіе его воспроизводитъ исторію большихъ, болѣе славныхъ городовъ Арменіи, пока лежащихъ подъ землею. Систематическія раскопки, веденныя въ продолженіе десяти лѣтъ, дали возможность установить главные этапы его развитія.

Сначала замокъ феодала Камсаракана, древностью рода связаннаго съ до-арійскимъ населеніемъ Арменіи, съ V-го вѣка Ани представлялъ крѣпость на возвышеніи, съ доступной стороны защищенную стѣнами и башнями изъ громадныхъ базальтовыхъ кубовъ. Впоследствии резиденція армянской вѣтви царей Багратидовъ, Ани въ 961-мъ году былъ окруженъ ря-

1) Отсюда рѣчи. въ археологической части была иллюстрирована 24-мя свѣтвыми картинками на экранѣ: 1. *Общій видъ Ани съ рѣкою Ахуряномъ*, 2. *Крѣпостныя ворота Ани у Камсаракановской башни* (изъ раскопокъ), 3. *Городскія стѣны Ани въ послѣдней отдалѣ съ греческимъ крестомъ*, 4. *Ани съ раскопанной улицей* (видъ съ вышгорода), 5. *Карсскія ворота въ Ани* (изъ раскопокъ), 6. *Церковь св. Григорія Тирана въ Ани съ городскими стѣнами*, 7. *Южная стѣна церкви св. Григорія съ декоративною аркаатурою на пармыхъ полуколоннахъ*, 8. *Порталъ привнора церкви св. Апостоловъ въ Ани*, 9. *Порталъ княжескаго дворца въ Ани, считающагося Багратидскимъ*, 10. *Порталъ юстиницы въ Ани* (изъ раскопокъ, проектъ реставраціи), 11. *Анискій соборъ* (видъ съ юго-запада), 12. *Пилястры съ оригинально профилированными базами въ аниской церкви VII — VIII вѣка* (изъ раскопокъ 1911 г.), 13. *Развалины грузинскаго крумлао храма въ Битъ, на холмѣ*, 14. *Развалины крумлао храма, постройки Ганка* (изъ раскопокъ), 15. *Проектъ реставраціи Ганкова храма* (разрѣзъ), 16. *Храмъ въ Тикоръ* (видъ съ юго-запада), 17. *Западная дверь Тикорскаго храма съ подковообразной аркою*, 18. *Ереруйская базилика постъ раскопокъ* (видъ съ юго-запада), 19. *Вишанъ, чудовище-рыба*, 20. *Вишанъ* (другой видъ), 21. *Вишанъ съ изображеніемъ буйволовой или бычьей головы со шкурою*, 22. *Другой вишанъ съ такимъ же барельефомъ*, 23. *Вишанъ съ парю аистовъ при буйволовой головѣ*, 24. *Вишанъ съ жабрами*. Воспроизводить здѣсь эти картины было бы излишне, такъ какъ онѣ частью уже изданы, значительною частью вскорѣ появятся въ печатающихся или готовящихся къ печати специальныхъ работахъ объ Ани, Ереруѣ и Гарни.

домъ новыхъ стѣнъ. Черезъ тридцать лѣтъ одинъ изъ царей той же династїи окружилъ его третьимъ рядомъ стѣнъ. Армянскихъ Багратидовъ вытѣсняють. Они переходить во владѣніе византїйскихъ императоровъ — турка, Алпарслана, курдской династїи Шеддаидовъ и грузинскихъ царей, монгольскихъ хановъ, но городъ все время развивается въ руслѣ мѣстныхъ традицій: рядомъ съ армянскими феодалами въ немъ вырастаетъ и ихъ смѣняетъ армянская буржуазія. При развитїи городской жизни третїй рядъ городскихъ стѣнъ, уже парныхъ, получаетъ послѣднюю отдѣлку. Это — эпоха, которая въ Грузїи завершается появленіемъ романтической поэмы Шоты изъ Руставы, въ Арменїи — ознаменована развитіемъ новаго архитектурнаго стиля.

Благодаря раскопкамъ, городъ постепенно выступаетъ изъ-подъ напосной земли, наслонившейся при разрушенїяхъ и отъ времени. Открываются улицы, водопроводъ, доставлявшій горожанамъ ключевую воду съ горы, въ десяти верстахъ, гостиницы и другія общественныя зданія. Раскопаны и ворота, Карсскія, одинъ изъ семнадцати входовъ въ городъ.

Всѣ эпохи мѣстной культуры, по введенїи христіанства, представлены въ памятникахъ церковнаго зодчества, отконаннхъ въ Ани или сохранившихся на его поверхности.

Церковь св. Григорїя представляетъ эпоху расцвѣта зодчества въ началѣ XIII-го вѣка. Декоративная аркатура на парныхъ полуколонкахъ снаружи вдоль стѣнъ прежде всего находится въ связи съ внутреннею деревянною отдѣлкою свѣтскихъ построекъ въ Ани, такъ, напр., фриза съ аркатурой на колоннахъ базиликальнаго дворцоваго зала изъ раскопокъ.

Громадно значеніе свѣтскихъ построекъ, какъ выразителей народнаго художественнаго вкуса, лучшихъ проводниковъ мѣстной строительной традиціи и въ то-же время наиболѣе отзывчивыхъ на новшества.

Вѣкомъ раньше церкви св. Григорїя такъ называемая мусульманская орнаментация рѣзбою съ мѣстными декоративными мотивами появляется на порталѣ притвора церкви свв. Апостоловъ, но не на самой церкви. И здѣсь связь съ вышшею отдѣлкою свѣтскихъ зданїй. Орнаментация притвора повторяетъ сдержанно обычную декоровку рѣзбою портала, напр., княжескаго дворца XII-го вѣка или одной изъ гостиницъ, также раскопанныхъ.

На соборѣ, хотя и отдѣланномъ заново въ отношенїи облицовки въ XIII-мъ вѣкѣ, еще нѣтъ богатой декоровки въ свѣтскомъ стилѣ. Соборъ для насъ интересенъ конструктивными формами, какъ ашїйское воспроизведеніе на рубежѣ X-го — XI-го вѣковъ одного изъ двухъ осложненныхъ типовъ церковнаго зодчества феодальной эпохи. Типъ этотъ возникаетъ рано: минувшимъ лѣтомъ отконана прилегающая къ нему церковь VII — VIII вѣка съ оригинальными профилями на базахъ илїастровъ.

Другой, также сложный тип, — равносторонний крестъ въ кругѣ или многогранникѣ: онъ появляется по линіи распространенія халкедонитскаго исповѣданія, такъ, напр., въ предѣлахъ Грузіи въ развалинахъ Баны. Онъ также былъ воспроизведенъ въ Анн въ началѣ XI-го вѣка царемъ Гагикомъ, какъ обнаружили раскопки. Богатый матеріалъ изъ раскопокъ ждетъ специалиста, чтобы получить совершенный, для всѣхъ безспорный проектъ реставраціи. Съ этимъ типомъ мы доходимъ до VII-го вѣка, когда, съ одной стороны, въ районѣ Анн распространились крестокупольныя церкви, съ другой — тамъ же, такъ, напр., въ Тикорѣ, — пытались древнюю базилику подвести подъ куполь.

Корпусъ ея, хотя и подновленный, — V-го вѣка, какъ и всѣ детали древней части, такъ, напр., западная дверь съ подковообразною аркою. Мы такимъ образомъ спустились въ древнюю эпоху подлиннаго христіанскаго Востока, въ частности — въ эпоху общенія армянъ съ сирійцами. Къ этой эпохѣ относится Ереруйская базилика близъ Анн.

Глубже — у насъ въ развитіи анійскихъ археологическихъ работъ пока пробѣлъ. Систематическія развѣдки въ Гарнійскомъ археологическомъ районѣ, связанныя съ раскопками великолѣпнаго языческаго храма, римской постройки II-го или III-го вѣка въ Гарни, Эриванской губерніи, привели къ открытію на сосѣднихъ горахъ рѣдчайшихъ, пока единственныхъ въ мірѣ громадныхъ (отъ 3-хъ до 5-ти метровъ длиною) каменныхъ рыбъ, рыбъ-чудовищъ. Рыбы эти двухъ типовъ: одні съ головою въ видѣ мѣстной рыбы *мурзы* (сближаютъ и съ *локо*, т. е. сомомъ), другія — *чанара*. На нихъ барельефы, указывающіе культовое значеніе памятниковъ: изображается полоса шкуры съ тѣла и ногъ то буйвола, то быка съ его головою, — это символъ жертвоприношенія богу. Рисунокъ осложняется иногда другими подробностями, также культоваго значенія, такъ, напр., парюю птицу, журавлей или апетовъ. Въ рыбахъ-чудовищахъ намѣчаются мѣстные боги «вишаны», сказанія о которыхъ, въ видѣ переживаній, сохранились въ армянскомъ народномъ эпосѣ до VIII-го — IX-го вѣка по Р. Хр. и позднѣе.

Съ вишанами мы достигаемъ предѣла культурно-исторической перспективы Кавказа, открываемой его вещественными памятниками. Дальше не идутъ и древнѣйшіе кавказскіе могильники. Это, казалось бы, дно. До этихъ глубинъ не доходятъ и памятники языческой письменности, клинообразной, во великомъ случаѣ мѣстной ванской системы. На нихъ, на вишанахъ, не указать разнообразныхъ вліяній пзвигъ, осложняющихъ всѣ позднѣйшіе культурноисторическіе вопросы о Кавказѣ. Они предшествуютъ появленію арійцевъ. Съ ними къ одному источнику, автохтонному, можно бы возвести развѣ мѣстные элементы, обособляющіе культуру Кавказа и въ

позднѣйшія эпохи. Оня, эти загадочные элементы, выступаютъ изъ народныхъ нѣдръ, въ моменты наибольшаго подъема жизненной энергіи, какъ бы изъ сокровищницы древнѣйшихъ переживаній и, находя выраженіе въ памятникахъ, кладутъ на нихъ печать оригинальности. На существованіе такого независимаго источника, на такое богатое наслѣдіе завѣщанныхъ отъ незапамятныхъ вѣковъ культурныхъ представленій и понятій указываютъ памятники Кавказа исключительной цѣнности — его коренные языки, т. е. языки не-индоевропейскіе и не-турецкіе. Въ выясненіи исторіи этихъ многочисленныхъ языковъ заинтересованы не одни кавказовѣды.

До сей поры не опознаны культурные языки, жившіе въ предѣлахъ до-арійской Арменіи, Мидіи, въ Вавилоніи и Малой Азіи, чтобы не говорить о болѣе дальнихъ на Западѣ; эти языки, нынѣ мертвые, сохранились въ письменахъ различныхъ системъ. Съ опредѣленіемъ загадочныхъ языковъ тѣсно связана кардинальная проблема въ исторіи человѣчества, — проблема о посылателяхъ просвѣщенія, предшествовавшего арійской цивилизаціи въ намѣченныхъ предѣлахъ древняго культурнаго міра, при томъ не семитахъ. Ключъ къ разрѣшенію этой важнѣйшей проблемы науки о древностяхъ ученые различныхъ филологическихъ областей — и классики, и востоковѣды — склонны искать въ языкахъ Кавказа. Одни сами дерзаютъ использовать языки Кавказа въ предѣлахъ наличныхъ въ литературѣ превратныхъ или неосвѣщенныхъ исторически свѣдѣній; другіе, болѣе осторожные, ставятъ вопросъ по той или иной части на ожидаемый быстрый судъ грузиновѣдовъ, не имѣя представленія о трудностяхъ задачи. Вопросъ этотъ начали-было ставить съ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Но тогда изученіе грузинскаго языка было схоластическое. Правильная лингвистическая разработка коснулась армянскаго съ тѣхъ поръ, какъ внесли его въ кругъ индо-европейскихъ языковъ. Однако, какъ грамматикки-схоластикки въ отношеніи грузинскаго, такъ лингвисты-индоевропейцы въ отношеніи армянскаго проглядыли родство ихъ съ окружающими живыми языками. И тѣ, и другіе предметомъ изслѣдованій дѣлали письменные языки Кавказа. Одни, грузиновѣды, исходя изъ представленій, основанныхъ на грузинскихъ націоналистическихъ взглядахъ, игнорировали рядъ явно родственныхъ съ грузинскимъ, но самостоятельныхъ языковъ, какъ-то сванскій, мингрельскій, чанскій, считая ихъ «искаженными» говорами или нарѣчіями грузинскаго. У другихъ, арменистовъ, націоналистическое мировоззрѣніе въ лингвистикѣ было замѣнено научною теорією, въ наше время, при культурномъ господствѣ европейцевъ, не менѣе льстящею народному самолюбію. Исходя изъ доктрины объ единомъ индоевропейскомъ происхожденіи армянскаго языка, арменисты-индоевропейцы невольно отмечаютъ все, что является ирраціональнымъ въ языкѣ съ точки

зрѣнія ихъ односторонней теоріи, въ томъ числѣ и природную связь его съ перечисленными языками Кавказа. Реализмъ въ лингвистическое изслѣдованіе Кавказа внесъ не филологъ, а инженеръ по образованію — знаменитый русскій языковѣдъ баронъ Усларъ, выдвинувъ на первый планъ изслѣдованіе нелитературныхъ языковъ края. Усларово дѣло, нашедшее поддержку въ Императорской Академіи Наукъ, дальнѣйшее развитіе получило въ чрезвычайно полезныхъ изданіяхъ Кавказскаго Учебнаго Округа, но изслѣдователи этого направленія, незнакомые съ письменными языками Кавказа, безъ исторической перспективы и широкаго лингвистическаго кругозора, также не могли правильно подойти къ очередной проблемѣ о соотношеніи различныхъ языковъ Кавказа. Починъ нѣмецкаго ученаго Георга Розена, впервые обратившаго вниманіе въ сороковыхъ годахъ на нелитературные языки, явно родственные съ грузинскимъ, — на сванскій, мингрельскій, чанскій, а также абхазскій, нашелъ достойное развитіе, лишь въ семидесятыхъ годахъ, въ трудахъ петербургскаго профессора А. Цагарели, представителя единственной въ Европѣ университетской каедры по специальности. Прекрасное начинаніе затопило-было мутныя волны посторонней нашему дѣлу борьбы: работы по нелитературнымъ языкамъ, родственнымъ съ грузинскимъ, съ высокаго уровня научной постановки были перенесены на почву злободневныхъ политическихъ вопросовъ. За отсутствіемъ университета на мѣстѣ, за отсутствіемъ авторитетнаго убѣжища отвлеченныхъ научныхъ интересовъ, Кавказъ для лучшей теоретической работы надъ одною изъ важнѣйшихъ проблемъ современной филологіи могъ выставить всего одного скромнаго труженика — сельскаго учителя изъ захолустья въ Мингрелии. Могла ли русская наука съ такою оснасткою достойно встрѣтить научную проблему, точно вызовъ брошенную намъ на Кавказъ блестящими научными открытіями западныхъ европейцевъ въ Ассиріи, Сиріи, Турецкой Арменіи и Малой Азіи?

Въ отношеніи коренныхъ языковъ Кавказа насъ тогда не обременяла самостоятельно добытая теоретическая мысль. Въ 70-хъ — 80-хъ годахъ мы могли лишь примкнуть къ формулировкѣ Фридриха Мюллера. Располагая поверхностными свѣдѣніями о строѣ грузинской рѣчи и родственныхъ съ нею языковъ, смутно представляя ихъ взаимоотношенія, вѣнскій ученый скрѣпилъ своимъ авторитетомъ давнишнее, до сего дня господствующее въ наукѣ положеніе, что грузинскій не имѣетъ родства ни съ одною извѣстною семьею языковъ, въ томъ числѣ и съ семитическою. Вопреки такому категорическому отрицанію, грузинскій языкъ оказался родственнымъ съ семитическими.

По новой теоріи, пока имѣющей адептовъ лишь въ немногочисленныхъ

институтах Факультета восточных языковъ (въ Петербургѣ), прослушавшихъ систематическій курсъ о ней, грузинскій, сванскій, мингрельскій, чанскій и другіе родственные съ ними, т. е. всѣ коренные языки Кавказа, составляютъ одну вѣтвь языковъ, генетически родственную съ другою вѣтвью — семитическою, и потому первая названа условно по библейской терминологіи яфетическою. Сопоставленіе грузинскаго языка съ семитическими дало возможность выработать сравнительную фонетику, эту базу всякой научной работы надъ исторіею языка. Разработку сравнительной фонетики сильно двинуло впередъ установленіе законовъ звуковыхъ соотношеній въ самихъ яфетическихъ языкахъ. На сѣверѣ намѣтилось родство съ ними абхазскаго, который, въ свою очередь, генетически близокъ къ черкесскому или адигскому языку. На югѣ постепенно стало выясняться сродство армянскаго съ яфетическими. Теорія объ единомъ индоевропейскомъ происхожденіи армянскаго подкошена: языки Арменіи, ихъ оказалось два, — дуприродны, результатъ слянія двухъ расъ, — яфетической и арійской. Пало исключительное значеніе письменныхъ языковъ, какъ грузинскаго, такъ мертваго нынѣ хайскаго, языка древней феодальной Арменіи, и на первый планъ выступили живые говоры грузинскаго и армянскаго.

Сложилось болѣе цѣльное представленіе о типѣ яфетическаго языка, выяснилось разнообразіе его видовъ, въ числѣ которыхъ грузинскій лишь одинъ изъ многихъ. Въ наличныхъ яфетическихъ языкахъ открылись осадки древняго вліянія различныхъ яфетическихъ языковъ, какъ живыхъ по-нынѣ, такъ вымершихъ, ихъ переживанія. Получились данныя для конструированія другихъ яфетическихъ языковъ, явно существовавшихъ или возможныхъ.

Фонетическія соотношенія вскрыли, что нынѣшнее расположеніе яфетическихъ народовъ, въ главныхъ чертахъ засвидѣтельствованное классиками, не представляетъ картины первоначальнаго ихъ расселенія. Народъ, проявляющій въ рѣчи природу южнояфетическихъ языковъ и особое близкое сродство фонетическихъ явленій съ семитическими, именно сванскій, теперь загнанъ на крайній сѣверъ яфетическаго міра — въ ущелья Кавказскаго хребта на верховьяхъ Цхенис-Цѣали и Ингура; народы, неразрывно связанные и фонетическою, и морфологическою природою языка съ восточными яфетидами, въ предѣлахъ Мидіи и Элама, оторванные отъ ближайшихъ сородичей, оказываются на крайнемъ западѣ нынѣшняго яфетическаго міра — вдоль восточнаго и южнаго побережья Чернаго моря: это — мингрельцы и лазы, въ древности иверы и чаны, еще древнѣе тибарены [и каиниты], въ Библию занесенные въ видѣ одной легендарной личности — патріарха Тубал-каина. Въ то-же время морфологическія наблюденія установили, что въ древнѣйшую еще пору яфетическіе языки стояли на той стадіи

развитія, какой въ Европѣ достигли наиболѣе истершіеся индоевропейскіе языки; тогда еще яфетическими языками утраченъ былъ, напр., грамматическій родъ, образовательные элементы котораго богато сохранились въ качествахъ омертвѣлыхъ переживаній.

Налицо, очевидно, результаты чрезвычайнаго катастрофическаго перемѣщенія народовъ, послѣдовавшаго за весьма раннимъ вторженіемъ какой-то чужой расы, быть можетъ, и индоевропейской. Молчаніе объ этомъ въ литературныхъ памятникахъ древнѣйшихъ культурныхъ народовъ Передней Азии и Европы свидѣтельствуетъ о сравнительной молодости ихъ письменности и вообще культуры.

Въ то-же время, путемъ разработки лингвистической палеонтологіи, намѣчается высота культурнаго состоянія яфетидовъ къ моменту отдѣленія ихъ отъ семитовъ и главнѣйшіе этапы развитія яфетическихъ народовъ, основныя особенности ихъ первоначальнаго культа и другія стороны общественнаго и семейнаго быта до появленія арійцевъ въ передней Азии. Выясняется пока на отдѣльныхъ культурныхъ терминахъ вліяніе яфетидовъ, въ незапамятную эпоху, на родственныхъ семитовъ и на другіе неродственные цивилизованные народы древности. Уже обнаружено любопытное наблюденіе — яфетическое происхожденіе слова «сатана», черезъ семитическую среду вошедшаго во всѣ языки христіанскаго и мусульманскаго міровъ: по яфетической лингвистикѣ буквальное его значеніе «соблазнитель». Напечатана первая часть работы объ яфетическомъ происхожденіи не менѣе важнаго термина «магъ»: по яфетической этимологіи буквальное его значеніе «звѣздочетъ» въ смыслѣ «пророка». Формы названій многихъ предметовъ матеріальной культуры у индо-европейцевъ также свидѣтельствуютъ, что они, эти названія, идутъ изъ яфетическаго источника, — такъ прежде всего названія металловъ, а также «вино» и много другихъ.

Если въ позднѣйшія эпохи наша область прежде всего должна отсчитываться въ культурныхъ заимствованіяхъ изъ чужихъ странъ, въ архаическую пору у насъ возникаютъ основанія для встрѣчнаго псака. Тѣ же основанія ставятъ вопросъ о путяхъ воздѣйствія яфетидовъ на индо-европейцевъ: имѣемъ ли мы въ результатахъ воздѣйствія простое заимствованіе извнѣ, или на нихъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на проявленіе въ индоевропейской средѣ мѣстныхъ подпочвенныхъ яфетидизмовъ въ связи съ доисторическимъ раселеніемъ яфетидовъ? Рѣчь уже не объ Арменіи и Мидіи, не объ Эламѣ и Хетѣ, а о западныхъ малоазійскихъ народахъ и далѣе — о пеласгахъ и этрускахъ. И когда ученые хозяева этихъ областей открываютъ у себя подпочву изъ загадочной расы, а нѣкоторые изъ нихъ обращаются за разгадкою въ нашу сторону, то обращеніе теперь оказывается не одно-

стороннимъ: у насъ намѣчается одно большое общее дѣло. Будетъ ли отвѣтъ во всѣхъ случаяхъ положительный, или иногда отрицательный, все равно — отвѣтъ необходимъ, отвѣтъ научно убѣдительный, и онъ неизбеженъ. Опоръ рычага, способнаго поднять тяжелое бремя, отнюдь не въ чьихъ-либо мелочныхъ этимологическихъ опытахъ; онъ дается въ узлѣ, гдѣ перекрещиваются двѣ громадной важности реальности; существованіе на Кавказѣ лучшихъ памятниковъ духовной культуры — цѣлой вѣтви языковъ, отгѣсненной въ его предѣлы съ колыбели современной цивилизаціи, и нарождающаяся теорія родства ея съ семитическою вѣтвью. Ими, и только ими, подводится прочный фундаментъ подъ вызывающія всеобщій интересъ, казалось бы, безнадежныя историческія проблемы. Назрѣваетъ увѣренность, что источникъ элементовъ, налагавшихъ печать оригинальности на всѣ эпохи культурной жизни народовъ Кавказа, вскроется, тайна каменныхъ вишаповъ, открытыхъ въ Арменіи, будетъ разгадана, и получить достойный научный отвѣтъ лингвистическій вызовъ, брошенный намъ на Кавказъ западными учеными въ видѣ вопроса о родствѣ загадочныхъ языковъ древняго міра съ грузинскимъ. Сдѣланное пока ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что предстоитъ сдѣлать. Задачи чрезвычайны, матеріалы колоссальны, работа нужна титаническая. Не дѣло единоличныхъ усилій полная разработка ячетической теоріи, которая и теперь, въ стадіи неперскитаго еще скептического къ ней отношенія, не по заслугамъ приписывается индивидуальной смѣлости. Въ этой теоріи одинъ изъ признаковъ усиѣха систематическихъ работъ всей малочисленной семьи русскихъ ориенталистовъ, въ ней неизбежный результатъ непрерывности и роста самостоятельныхъ научныхъ исканій въ нашемъ отечествѣ, быть можетъ, легче сказавшійся въ такой молодой отрасли, какъ представляемая здѣсь мною. Закрѣпить достигнутое и обезпечить у себя дальнѣйшее развитіе можно лишь отведеніемъ подобающаго мѣста въ отечественныхъ университетахъ востоковѣднію, если не всѣмъ, то важнѣйшимъ для Россіи цикламъ его дисциплинъ. И понятно, какъ глубоко долженъ волновать и насъ, ученыхъ, и всѣхъ вѣрныхъ друзей нашего просвѣщенія жизненный вопросъ: получить ли своевременно русская наука возможность съ честью исполнить свой долгъ также за Кавказскимъ хребтомъ, внѣдрившись высшимъ разсадникомъ методовъ и знаній въ средоточіе драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ челоуѣчества, или, вынужденная отступить съ самого поля научнаго состязанія, она и здѣсь предоставитъ пальму первенства быстро надвигающимся на Кавказъ съ юга культурнымъ завоеваніямъ Западной Европы?